

Н. И. Щипанова, Т. В. Кухтина

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ
ОСУЖДЕННЫХ С СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДОЙ**

N. I. Schipanova, T. V. Kukhtina

**THE RELATIONSHIP OF PERSONAL
CHARACTERISTICS OF PRISONERS WITH
THE SOCIAL ENVIRONMENT**

В данной статье рассматривается вопрос о взаимосвязи личностных свойств осужденных с социальной средой. Социальная среда включает в себя индивидов, а также отношения, которые складываются между ними. Следовательно, социальную среду и ее состояние нельзя мыслить без личностных свойств входящих в нее индивидов. Разумеется, такой вывод не отрицает приоритета ее влияния на личностные свойства. В то же время связь тех или иных ее элементов с личностными свойствами, приводящая, в конечном итоге к психологической значимости для осужденных этих элементов, заставляет говорить о личностных свойствах как самостоятельном факторе, определяющем состояние среды.

Ключевые слова: социальная среда, личностные свойства осужденных, места лишения свободы.

This article discusses the question of the relationship of personality traits of prisoners with the social environment. Social environment includes the individuals and the relationships that develop between them. Therefore, the social environment and its condition it is impossible to think without personal properties of its constituent individuals. Of course, this conclusion does not deny the priority of its influence on personal characteristics. At the same time, the relationship of those or other elements with traits, leading, ultimately, to psychological significance for prisoners of these elements leads us to a discussion of personal property as an independent factor that determines the state of the environment.

Keywords: social environment, personal characteristics of convicts, to places of deprivation of liberty.

Взаимосвязь социальной среды и личностных свойств осужденных дает возможность объяснить некоторые явления, наблюдаемые исследователями. Так, отмечается, что в местах лишения свободы складывается субкультура, отличающаяся примитивностью в сравнении с культурой общества, а также и культурой социальных слоев, к которым ранее принадлежали осужденные. Об этом свидетельствуют и потребности, и система ценностей, и, в первую очередь, нормативная система, вырабатываемая сообществом осужденных и требующая однозначного поведения, ставя осужденных перед жесткой альтернативой: или выполняй предписания нормы или налицо угроза утраты статуса, и способы защиты нарушений норм, выражающиеся, как правило, в рукоприкладстве, и язык, и пр. Может сложиться впечатление, что такого рода

примитивность изначально связана с личностными свойствами осужденных [1]. А если это так, то вполне обоснованы суждения о качественном отличии личности преступника от личности законопослушных граждан, с которым можно связывать причины преступления.

Вместе с тем вряд ли можно говорить об изначальной связи состояния среды с личностными свойствами и их проявлениями. Дело в том, что восстановление утраченной системы жизнеобеспечения происходит в определенных, объективно заданных условиях. Именно эта заданность, устанавливающая социальные возможности восстановления, предоставляющая для этого средства (а точнее — вынуждающая пользоваться определенными средствами), выступает в качестве первопричины. Личностные свойства осужденных вторичны в том

смысле, что они формируются, трансформируются под влиянием социальной среды мест лишения свободы. Они относительно самостоятельны и первичны в том смысле, что для их реализации индивид использует существующие условия мест лишения свободы, поддерживая их тем самым в определенном состоянии. Групповые нормы поведения требуют от осужденных однозначной реакции на некоторые оскорбления, замечания. Поэтому агрессивные проявления предстают в качестве элемента субкультуры. В то же время постоянно растущее психическое напряжение, особенно свойственное некоторым личностным типам, с наименьшим постоянством находит возможности для канализации, так как в силу психических состояний частые конфликты между ними — явление скорее закономерное, чем случайное. Поэтому агрессивные проявления предстают в качестве реализации личностных свойств. Но при этом нельзя забывать, что свойства реализуются в социальных условиях, представляющих возможности для их осуществления. Кроме того, не только нормы поведения, требующие определенных форм реагирования, относятся к элементам среды, но и психические состояния есть ее непосредственный результат. Если социальной средой мест лишения не управлять, если не бороться с некоторыми ее проявлениями, то она будет способствовать некоторым атавистическим формам поведения, характерным для архаических способов самоуправления.

В связи с приведенной характеристикой состояния социальной среды, куда в качестве обязательной составляющей входят личностные свойства осужденных и их проявления, возникает вопрос: можно ли на основе изучения осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, делать какие-то выводы, относящиеся к роли личностных свойств в механизме совершения преступлений в условиях свободы? Особенно актуальным этот вопрос становится тогда, когда на уровне индивида изучаются не какие-то его фундаментальные психические свойства, а то, что называют иногда «философией жизни», т. е. пониманием смысла жизни и т. п. [3]. С одной стороны, исследователи, занятые изучением проблем противодействия преступности, поставлены в довольно жесткие условия в том смысле, что контингент, доступный для обследования, сосредоточен, как правило, в местах лишения свободы. С другой стороны, проецировать свойства, замеряемые в местах лишения сво-

боды, на ситуации до совершения преступления и в процессе его совершения, объясняя тем самым причины противоправного поведения, опасно, если эта проекция не корректируется. Разумеется, что возможности и способы коррекции требуют специального обсуждения.

Тесная связь личностных свойств с теми или иными элементами социальной среды мест лишения свободы, определяющая ее состояние, выдвигает практический вопрос: можно ли изменить состояние среды таким образом, чтобы свойственная ей противоречивость наименьшим образом сказывалась на негативном изменении личностных свойств? Очевидно, что самое результативное средство — это ослабление силы действия внешних факторов, отчего зависит специфика социальной среды мест лишения свободы, ее отличие от любой другой. Однако эту альтернативу нет смысла обсуждать, так как ее претворение означает утрату значения лишения свободы как вида наказания. Поэтому нужно сформулировать вопрос иначе: каким образом ослабить негативное влияние среды на личность осужденного, не затрагивая внешних факторов?

Ответ на данный вопрос сводится к поиску и осмыслению тех возможностей, которые «нащупаны» самой практикой функционирования мест лишения свободы. Разумеется, что существующая проблема должна быть не просто осмысленной, но и оцененной с позиций закона, целей исправления и перевоспитания, а главное — с точки зрения реальности распространения ее на другие группы осужденных, на колонии с различным видом режима и т. п. Данный путь представляется более эффективным, поскольку дает возможность внести коррективы, подкачаные жизнью.

Суть противоречия социальной среды мест лишения свободы связана с формированием в сознании осужденных таких категорий, как «мы», «они», а также с отношением «я», «мы», «они». Ориентация на те или иные ценности, статус в группе, отношение к нормам сообщества, а главное — поведение (и стоящие за ним личностные свойства) зависят от того, каким образом соотносит себя осужденный с категориями «мы» и «они». Консолидация осужденных, которая представляет собой форму проявления противоречия, основана на противопоставлении «мы» всем тем, кто живет на свободе — «они», а также связана с отношением к своей собственной личности («я»). Следовательно, появляется возможность сформулиро-

вать поставленный выше вопрос более конкретно: какие личностные свойства мешают противопоставлению себя обществу (то есть противопоставлению «я» как части «мы» «другим», живущим в условиях свободы) и ослабляют тем самым негативное влияние среды?

Замечено, что осужденные с высшим образованием, представленные в колонии относительно большим числом, также консолидируются. Но у них нет столь тесной связи между «я» и «мы», как не наблюдается ярко выраженного противоречия между «мы» и «они», хотя в тех же самых колониях содержится контингент осужденных без высшего образования, среди которого противоречие выражено намного ярче. При наличии тех же самых ценностей взаимосвязь ориентаций на них иная, что приводит к любопытному и важному для нас результату — нормы, регулирующие внутренние взаимоотношения и поддерживаемые этим сообществом, ближе к тем, которые регулируют взаимоотношения в обычной жизни. Неудивительно в этой связи и то, что самоорганизация здесь по своим последствиям напоминает обычную: образуются группы, но по «интересам», складываются землячества, но без той роли, которую в ней играют так называемые «отрицательные», имеются так называемые «семьи», но функционирующие только на дружеской основе, появляются лидеры и аутсайдеры, но без тех прав и последствий, которые имеют место среди общей массы осужденных.

Можно предположить, что за высшим образованием как за формальным признаком кроется определенный социальный опыт, стоят регуляторы поведения, которые, будучи привнесенными в места лишения свободы и сохраненными среди себе подобных, самым существенным образом влияют на отношение к себе подобным и позволяют ослабить негативное влияние среды. Недаром при наличии одинаковых типов как среди осужденных с высшим образованием, так и среди других у первых доля отвечающих понятию нормы заметно выше.

Выдвинутое предположение не лишено оснований. Исследования показывают, что с ростом образования человека, с повышением его социального статуса не просто расширяется диапазон его интересов, но и изменяется их направленность: по своему характеру они все более сливаются с общественными. В этой связи аккумуляция социального опыта выражается в том, что человек начинает идентифицировать себя с социальными

общностями более высокого порядка. Причем можно утверждать, что чем выше социальная группа, к которой принадлежит индивид, на иерархической лестнице, тем сильнее идентификация себя с обществом как таковым. Недаром активность поведения во всех сферах жизнедеятельности особенно тесно коррелирует с социальным положением людей [2, с. 90; 4, с. 88]. Отсюда и более высокая самооценка, и другие стереотипы поведения, и другие способы психологической защиты, и т. д., так как при наличии тенденции к социальной однородности группы населения пока еще отличаются нормами поведения, традициями, обычаями, которые влияют на отношение к себе подобным.

Считается, что лица, совершившие преступления, руководствуются при этом узкоэгоистическими интересами. Это, разумеется, относится и к тем, кто совершил преступление, имея высшее образование, занимая ответственную должность. Но при всем этом нельзя забывать, что такого рода преступники имели более многочисленные социальные связи, более развитые интересы, идентифицировали себя с более широкими социальными общностями. Пусть все это использовалось в какой-то мере корыстно, о чем свидетельствует взгляд на свое положение как на средство социальной защищенности, вырастающей из обилия связей, но тем не менее оно повлияло на отношение к своему «я». И это отношение продолжает действовать в местах лишения свободы, что выражается в ряде последствий.

Во-первых, осужденные с высшим образованием для поддержания ценности собственного «я» в меньшей степени нуждаются в идентификации с сообществом осужденных. У них поэтому слабее выражено противопоставление своего общества всем тем, кто живет в условиях лишения свободы. Разумеется, что они понимают роковое значение «ярлыка» преступника. Они не менее других людей нуждаются в поддержке со стороны ближайшего окружения. Но нужно учесть следующее: человек, помещенный в места лишения свободы, на какое-то время утрачивает социальную перспективу и вынужден жить за счет имеющегося социального капитала, обращенного в личностные свойства. В таком случае осужденные, о которых идет речь, оказываются в выигрышном положении. Правда, необходимо оговориться. Мы не исследовали осужденных с высшим образованием в колониях, где они составляют лишь малую долю от общего числа. Но подобного рода исклю-

чительность скорее на руку исследователям, так как позволяет выявить роль личностных свойств, взятых в относительно большом масштабе и определяющих тем самым состояние среды.

Во-вторых, ощущение более тесной связи с обществом, его ценностями и нормами поведения приводит к тому, что человек более реален в оценке общества. Он по мере усвоения социального опыта все больше узнает его. В этой связи анализируемый контингент осужденных отличается от другого тем, что его представители более реалистичны в оценке своего преступления. Они, например, считают, что поражены прежде всего в выполнении пусть и ведущей, но всего лишь социальной функции. Они понимают, что «ярлык» преступника прирастает к человеку, выступающему не только в качестве исполнителя социальной роли, но и как личности. Однако представляется, что они в меньшей степени склонны драматизировать ситуацию, в которой оказались. Характерно, что умение отделять различные социальные роли от человеческой сущности исполнителя ведет к более терпимому отношению к представителям администрации. У них также более терпимое отношение к навязываемым правилам поведения, которые воспринимаются как выражение необходимости в порядке. Неудивительно, что представители администрации отмечают, что работать с этим контингентом осужденных легче, так как они склонны подчиняться правилам, и труднее, поскольку они требуют соблюдения своих прав.

В-третьих, прошлый социальный опыт и идентификация с общностями более широкого порядка приводят к тому, что иначе рассматриваются многие идентичные для всех осужденных ценности. Так, например, иначе воспринимается прошлая жизнь. Она не обесценивается так заметно, как это происходит у осужденных другого контингента. Будущая жизнь также пугает меньше. Поэтому нежелательные психические состояния в меньшей степени актуализируются перед выходом на свободу. У данного контингента не наблюдается столь выраженной у других осужденных поляризации в ценностных ориентациях. Все это можно признать положительным, коль скоро речь идет об ослаблении нежелательного влияния изоляции человека от общества на его личные свойства. Однако нельзя упускать из виду следующего обстоятельства. Дело в том, что консолидация осужденных в некое сообщество, противопоставляемое обществу, наделение этого сообщества

ценностями в пику обществу как таковому представляет пусть и неуклюжую, по нашему мнению, но тем не менее попытку самооправдания, а следовательно, демонстрирует чувство вины, выступающее в качестве одного из стимулов самоорганизации сообщества. Иное дело, когда преступники, находящиеся в местах лишения свободы, склонны в большей мере идентифицировать себя с обществом.

В-четвертых, с принадлежностью индивидов к той или иной социальной группе связывается наличие определенных стереотипов поведения, следование тем или иным нормам, традициям и пр. Поэтому осужденные переносят их и в места лишения свободы. В этой связи нельзя сказать, что в колониях, где осужденных с высшим образованием много, среди них не происходит расслоения. Имеются лидеры и аутсайдеры, «семьи» и «землячества». Но сам процесс самоорганизации и, главное, его последствия демократичнее в сравнении с аналогичными явлениями среди другого контингента осужденных. Разумеется, что условия жизнедеятельности в местах лишения свободы примитивизируют культуру. Однако многие формы поведения, усвоенные в процессе социализации и связанные с личностными свойствами, не позволяют осужденным прибегать к грубой силе, оскорблениям, требуют сдержанности, взаимопонимания.

В-пятых, на адаптацию к условиям изоляции от общества скорее всего самым существенным образом влияют такие регуляторы поведения, как направленность и содержание интересов. Они, будучи главными, выполняют функции стабилизации и гармонизации представлений субъекта о самом себе. Адаптация к частным условиям деятельности обеспечивается регуляторами поведения нижестоящих уровней — обобщенными и в особенности ситуативными социальными установками, которые формируются на основе предметных потребностей социального существования в процессе включения индивидов в первичные социальные группы [5, с. 263]. Очевидно поэтому среди осужденных с высшим образованием дезадаптированных к условиям мест лишения свободы больше, нежели среди остальных, как больше и тех, кто отвечает понятию нормы, когда речь идет об акцентуациях. Кроме того, сохраняющаяся система регуляции поведения позволяет в дальнейшем лицам с высшим образованием легче приспособиться к условиям жизни на свободе.

Таким образом, анализ названного контингента осужденных, который мож-

но назвать нетипичным объектом для исследования, дает нам возможность сделать выводы, важные для оценки политики исполнения наказания в местах лишения свободы в целом. Первый вывод заключается в том, что гуманизация исполнения наказания, выражающаяся в приобщении осужденных к труду, повышении их профессиональной квалификации, уровня общего образования, воспитательном воздействии и т.п., имеет не только ощутимые социальные последствия, но и психологические. Социальные последствия выражаются в том, что осужденные, приобретая интересы, свойственные большинству населения, ориентируясь на общераспространенные ценности и нормы поведения, все меньше испытывают потребность в консолидации. Следовательно, ослабляется исходное противоречие, менее интенсивно протекают процессы, вызванные им. Яркий пример тому — формы, в которых протекает и через которые выражается самоорганизация осужденных. Вряд ли кто будет возражать, что в прежние годы группировки осужденных в местах лишения свободы были более опасными. Иное дело, что жизнедеятельность в местах лишения свободы не может не вызывать интенсивных процессов самоорганизации. Это объективное явление для любой организации. Поэтому важно добиваться того, чтобы формы самоорганизации

в большей мере соответствовали целям исполнения наказания, исправления и перевоспитания осужденных. Изменение их, которое мы наблюдаем, прямое свидетельство результативности проводимой политики в области исполнения наказания. Психологические последствия выражаются в том, что осужденные, не испытывая потребности в консолидации и не противопоставляя себя обществу и администрации мест лишения свободы в той мере, как это наблюдается сейчас, смогут приспособляться к новым для себя условиям с меньшими издержками, то есть без необходимости в акцентуации личностных свойств.

Второй вывод заключается в определении роли той среды, к которой принадлежал осужденный ранее, и связь с которой способствует достижению целей исправления и перевоспитания. У этой связи имеется два аспекта. Один отражает роль прежней жизнедеятельности, сформировавшей личностные свойства, обуславливающие поведение в местах лишения свободы. Второй — роль прежнего ближайшего окружения в процессе исправления и перевоспитания. Учитывая эту роль, администрация мест лишения свободы стремится к тому, чтобы осужденные поддерживали отношения с родственниками, товарищами по работе, трудовыми коллективами, куда они входили до осуждения, и т. п.

Литература

1. Ениколопов, С. Н. Некоторые результаты исследования агрессии / С. Н. Ениколопов // Личность преступника как объект психологического исследования. — 1979. — С. 100—110.
2. Коган, В. М. Социальные свойства преступности : учеб. пособие / В. М. Коган. — М., 1977.
3. Ратинов, А. Р. К ядру личности преступника / А. Р. Ратинов // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии : сб. науч. тр. — М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1981. — С. 67—86.
4. Хохряков, Г. Ф. Объяснение в криминологии. Системный подход в криминологическом исследовании / Г. Ф. Хохряков. — М. : ВНИИ МВД СССР, 1979.
5. Ядов, В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / В. А. Ядов. — Л. : Наука, 1979.

КУХТИНА Татьяна Владимировна, преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76. E-mail: upiuiip@mail.ru

KUKHTINA Tatyana Vladimirovna, lecturer of criminal law, criminology and penal law, South Ural state University, Chelyabinsk, Russian Federation. 454080, Chelyabinsk, st. Commune, d. 149. E-mail: upiuiip@mail.ru

ЩИПАНОВА Надежда Ивановна, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. 454080, г. Челябинск, ул. Коммуны, д. 149. E-mail: nip@74.ru

SCHIPANOVA Nadezhda Ivanovna, associate Professor of criminal law, criminology and penal law, South Ural state University, Chelyabinsk, Russian Federation. 454080, Chelyabinsk, st. Commune, d. 149. E-mail: nip@74.ru

For citation: **N. I. Schipanova, T. V. Kukhtina**. The relationship of personal characteristics of prisoners with the social environment

Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 5(53).2015. pp. 129–134.

